

СТИЛЬ

Голливудское согревающее

сезон кино

В дни наступления холодов совершенно не зазорно плюнуть на новинки и пересмотреть горячую задшевную классику в свое удовольствие, считает **Сергей Полотовский**.

«В джазе только девушки»

«Поющие под дождем»

«Завтрак у Тиффани»

В мерзкую слякоть и пронизывающий ветер нет нужды ехать в кинотеатр за свежей кинозвонкой или очередной молодежной комедией местного извода. Ведь есть фильмы, к которым необходимо периодически возвращаться. И ноябрь, когда лето было давно, а до Нового года еще надо дожить, — как раз такое время. Вот абсолютно субъективный топ-3 лучших фильмов для поздней осени. Каждый из них дарит всемирно известным комедиям, а в Аргентине и Мексике вообще под фантазматическим и мало отражающим содержанием названием «Одна Ева и два Адама». Когда будете пересматривать, обратите особое внимание на сцену соблазнения, когда героиня Монро пытается на чужой яхте поцеловать персонажа Тони Кертиса, выдающего себя за миллионера и активно пародирующего Кэрри Гранта. Невероятно, но Кертис, сперва утверждавший, что у них на съемках случился бурный роман, впоследствии признавался, что целовать Мон-

онида Ильича Брежнева к статьям Мэрилин Монро. Кстати, русская переделка оригинального «Some Like it Hot» не самая идиотская придумка. В Испании фильм шел как «У каждого свои недостатки» — по последней ударной фразе картины, а в Аргентине и Мексике вообще под фантазматическим и мало отражающим содержанием названием «Одна Ева и два Адама». Когда будете пересматривать, обратите особое внимание на сцену соблазнения, когда героиня Монро пытается на чужой яхте поцеловать персонажа Тони Кертиса, выдающего себя за миллионера и активно пародирующего Кэрри Гранта. Невероятно, но Кертис, сперва утверждавший, что у них на съемках случился бурный роман, впоследствии признавался, что целовать Мон-

ро все равно что целовать Гитлера. Главный секс-символ XX века, которая не отказывала ни политикам, ни спортсменам, ни коллегам по цеху, специально дразнила Кертиса, возбуждала его до крайности, а затем вернула нос. Монро снималась немного беременной и сильно под воздействием, скандалила на площадке, количество дублей зашкаливало, а она все никак не могла запомнить элементарную фразу «It's me, Sugar» или «Where's the bourbon?». Однако конечный продукт все равно поражает перфекционизмом выделки. На предварительном просмотре публика так смеялась над некоторыми сценами, что часть диалога заглупела и пропала. Сцены пришлось переснять, добавив плаузы между punchlines. Кстати, в роли мужиков, нацепив-

ших платья и спрятавшихся в женском джазовом оркестре, могли бы оказаться Фрэнк Синатра и Джерри Льюис. Но эти мажоры, зато теперь история любви молодого нью-йоркского писателя-жиголо и непутевой, но адекватной и красивой профурсетки стала таким же монументом эпохи, как маленькое платье от Givenchy, в котором красовалась Хепберн (для изначально планировавшейся на эту роль Мариллин Монро платье пришлось бы шить по свободной). Это платье стало вторым по цене кинотрибутом, когда-либо купленным на аукционе. Первым был «Оскар» за «Унесенных ветром».

Никогда не разочаруют «Поющие под дождем» (1952) — история про рождение звука в кино, привет 1920-м из 1950-х. бисексуальности главной героини Холли Голайтли оказалась тактично опущена, а печально ноющий финал книги превратился в хеппи-энд со слезами счастья. Зато теперь история любви молодого нью-йоркского писателя-жиголо и непутевой, но адекватной и красивой профурсетки стала таким же монументом эпохи, как маленькое платье от Givenchy, в котором красовалась Хепберн (для изначально планировавшейся на эту роль Мариллин Монро платье пришлось бы шить по свободной). Это платье стало вторым по цене кинотрибутом, когда-либо купленным на аукционе. Первым был «Оскар» за «Унесенных ветром».

Ретро про ретро. Хореография в этом искристом и пузырящемся мюзикле Джина Келли и Стелли Доннена не так нарочита, как у Фреда Астера. Здесь не выдают умопомрачительных трюков. Здесь все как будто так и надо, без нагуги, без напряжения. Танец имитирует жизнь. Понятно, что все это тысячи раз отмерено и отшлифовано. И не только в танце. Поскольку действие происходит в том числе и на голливудской студии, авторы дали себе полную свободу в использовании декораций из старых мюзиклов с участием того же Джина Келли. Получилось кино про кино, что-то вроде «8 1/2 ультралайт» (в хорошем смысле слова) за десять лет «8 1/2» Феллини. Только вместо мук творчества безубойка улыбка удовольствия от якобы случайного

шедевра. Территория мюзикла в принципе — это сказочная, картонная страна, но здесь легко пристраивается в дело. Легким па и с дрожанием пропетой нотой искусственность превращается в искусство. Самая забавная и чуть ли не самая длинная шутка в истории Голливуда. Два артиста пришли к продюсеру с проектом. «А что это будет?» — спрашивает строгий продюсер. «А будет так», — отвечают лихие мастера эстрады, после чего в течение десяти минут мы наблюдаем, скажем так, богато декорированный номер с перьями, песнями, плясками. Лучшие профильные специалисты выдали по полной. Эти десять минут можно гонять каждое утро перед завтраком — заочная история с моралью, перипетиями и выстроенной

цветовой системой. После этого эпизода мы снова в кабине продюсера. «Все это замечательно», — говорит акула шоу-бизнеса. — But I still can't visualize it». По-английски эта фраза смешнее, чем по-русски, что-то вроде: «Я по-прежнему не вижу в этом спектакля». «Я так ничего и не увидел», «Но мне это никак себе не представить». Все три фильма появились на излете и сразу после золотого века Голливуда, когда все девушки были красавицами, а мужчины — красавцами. Можно сколько угодно говорить про ложь и лакировку действительности, но когда за окном то, что вы сейчас видите, кому нужна эта действительность? Почему бы и вправду ее не отлакировать чистейшими продуктами голливудской перепитии и выстроенной

Ноты к радости

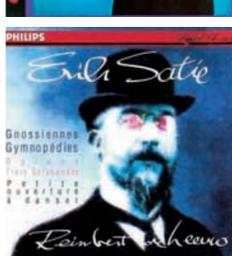
сезон музыка

Драма переходного периода — от летней свободы к зимнему подчинению — практически в обязательном порядке требует максимальной герметичности. Пусть погода сама решает проблемы своей очередной эволюции, нас это касаться не должно, утверждает Юрий Яроцкий.

Герметичность сама по себе вещь тоже малопривлекательная в замкнутом пространстве собственного жилища нужно какое-то новое наполнение, иначе в голову ползут безрадостные мысли. Победить эту грозную безрадостность и пустоту поможет музыка, которая либо примет всю безрадостность на себя, либо же, наоборот, придаст той беспечности и радости, которую так бесчеловечно пытается отнять у нас меняющиеся друг с другом времена года.

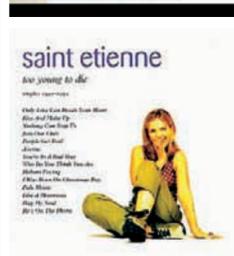
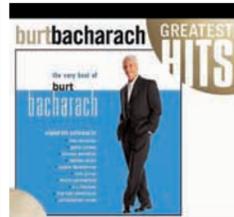
Конечно, велик соблазн поддаться чувству с кодовым названием «пропади оно все пропадом» и включить что-нибудь из The Clash или, скажем, Ministry с присущим этим коллективам бескомпромиссным утаром.

Но перед этим соблазном придется устоять — переходный период требует более бережного отношения. Почему бы не стянуть пыль с давно купленного по случаю и даже после этого с большим удовольствием послушанного, а потом зачем-то задвинутого на дальнюю полку «My Favorite Things» Джона Колтрейна? 1960 год, самое начало сольной карьеры великого Колтрейна. Нам, собственно говоря, достаточно заглавной композиции. Из красивой, но дидактичной темы из мюзикла «Sound of Music» саксофонист, поначалу сыграв ее со всем прилежанием, потом устроил такой вихрь чувств, что вихрь этот до сих пор способен вобрать в себя все, скажем прямо, тяготы, невзгоды и грусть.

Грустить, впрочем, совсем не обязательно. Это мы немедленно обнаружим, нажав кнопку «play» и поставив диск Бурта Бакарака «The Very Best of Burt Bacharach». Даже если мы по какой-то страннейшей причине не знаем, кто таков, дай бог ему здоровья, Берт Бакарак (а он, возможно, самый выдающийся соул-музыкант XX века), то немедленно узнаем практически все его песни. Особенно написанную им для фильма «Бутч Кэссиди и Сандрис Кид» гениальную «Raindrops Keep Falling On My Head». В самом деле, это же чистейшая правда — «Raindrops keep fallin' on my head/But that doesn't mean my eyes will soon be turnin' red/Cryin's not for me / 'Cause I'm never gonna stop the rain by complainin' / Because I'm free / Nothin's worryin' me». Вот такие специальные слова, чтобы нам хорошо жилось даже тогда, когда живется хуже, чем обычно.

Слова, впрочем, не то чтобы совсем обязательны. Вот, например — почему не послушать что-нибудь из музыки Эрика

Сати? Это француз был гениальным композитором, очень общительным человеком и выдающимся экцентриком: в комнату, где он прожил последние двадцать семь лет его жизни, никто никогда не входил. Друзья, похоронив Сати, обнаружили в ней семь костюмов, каждый из которых был предназначен для соответствующего дня недели, коллекцию любовных писем от Сюзанны Валадон и ее же руки портрет композитора, кучу дневниковых записей, неплохую подборку зарисовок средневековой архитектуры, бесконечное количество нот и — обратим на это особое внимание — невообразимое количество зонтиков, многие из которых были разными по размеру и окраске, в связи с последним обстоятельством можно заключить, что этот выдающийся романтик и новатор, называвший себя не столько композитором или музыкантом, сколько «фонографом», «фонометриком» и «гимнопедистом», знал толк в непогоде. Как раз

его знаменитыми «Гимнопедиями» мы и попробуем спастись от внешних угроз. Средство должно действовать: сам Сати называл эти фортепианные произведения «мебельной музыкой» — чувств они вызывать ни в коем случае не должны, зато должны усладить слух также же, как услаждает зрение хорошо продуманный интерьер. На основе «Гимнопедий» много лет спустя Брайен Ино придумал музыку «эмбиент», по мотивам которой был придуман «нью эйдж» и весь прочий звуковой фэн-шуй. Но нам это все не нужно — при наличии оригинала, разумеется.

Кажется, впрочем, что это совсем не помешает кое-что посовременней, хотя — время бежит довольно быстро — уже с некоторым налетом ретро. Английская группа Saint Etienne играет и поет уже почти двадцать лет, делает это хорошо, стильно и, можно сказать, скромно. Это классический инди-поп, то есть простая приятная песня, написанная не для того, чтобы блистать в чартах (хотя и такие у Saint Etienne очень даже имеются), а просто чтобы было хорошо. Именно это ведь нам и нужно. Мы воспользуемся сборником лучших вещей «Too Young To Die — The Singles» с очаровательной солисткой Сарой Крэнелл на обложке. Слегка психоделический кавер-нейлганг, «Only Love Can Break Your Heart», романтично-танцевальная «Nothing Can Stop Us», снабженная легчайшим привкусом фламенко «Hobart Paving», нежная «Hug My Soul» и прекрасная «He's On The Phone» (а также все остальное на этом сборнике) напомнят о том, как много всего временно остается вне поля нашего зрения. Ну а хит «I Was Born On Christmas Day» напомнит, ради чего кончается лето и снова убедит в том, что жизнь не так уж плоха, даже когда за окном не светит солнце.

Осенний рацион

сезон чтение

Нет для книг времени более благодатного, чем осень. Во-первых, они осенью и выходят. То есть именно к этому сезону издатели и прибегают множество новинки. А во-вторых, именно осенью приходится читать то, до чего не дошли руки и глаза в летней суете. То, что рассчитано на удивчивое чтение. Лимит детективов и женских романов был исчерпан еще на пляже, а теперь настало время размышлений и переживаний. Нет, конечно, речь не идет об очень глубоких размышлениях и очень сильных переживаниях — книжный список осени должен быть сбалансирован, как хорошая диета. ЛИЗА БИРГЕР предлагает свое меню.

Жутко громко и запредельно близко Джонатан Сафран Фоер М.: Эксмо, 2007

Второй роман американского писателя Джонатана Фоера сразу превратил его из надежды американской литературы в ее новый светоч: книга переполнена загадками и ключами, цифровыми кодами и картинками, снятыми на мобильник, перенасыщена отсылками ко всей литературе XX века, а сама себя заявляет как литературу века XXI.

Пять лет повиновения Бернис Рубенс СПб.: Амфора, 2007

Пока эта книга у нас не вышла, мы ничего не знали про британскую писательницу Бернис Рубенс. Это простая, очень жесткая, безапелляционно страшная и захватывающая литература. Выбывая воспитанница детского дома привыкла всю

жизнь кому-то подчиняться. Выйдя на пенсию, она заводит дневник и начинает подчиняться его, порой достаточно странным, приказам. Дальше все закручивается, выражается языком аннотаций, в «психологическую драму с элементами хоррора». Очень мрачно, но практически невозможно оторваться.

Тринадцатая сказка Диана Сеттерфилд СПб.: Азбука, 2007

Английская учительница Диана Сеттерфилд побила сразу два рекорда — времени, которое книга может продержаться в списке бестселлеров The New York Times, и суммы гонорара за литературный дебют. «Тринадцатая сказка» — художественная композиция из произведений сестер Бронте, Гораса Уолпола, а также, отчасти, Дикенса и Джейн Остен. Подражая, причем без всякой постмодернистской наглости, всем этим и еще многим другим авторам, Сеттерфилд умудрилась создать отличную книгу для чтения. Захватывающую и неглупую.

Маленькие дети Тим Перотта СПб.: Амфора, 2007

Этот роман, кому-то знакомый по экранизации с Кейт Уинслет, — попытка создать «мадам Бовари» XXI века. Героиня задыхается среди пошлости американского пригорода. На детской площадке, куда она водит свою маленькую дочку, она знакомится с ним. Он тоже задыхается, тоже несчастен в браке, тоже имеет трехлетнего ребенка. Вспыхивает страсть, которую они не в состоянии контролировать. И хотя, конечно, продираться сквозь обязательные здесь мораль и нрав-

венность скучновато, умиляет искреннее сочувствие автора к героям, которые, как малые дети, неспособны отвечать за собственную жизнь.

Как несколько дней Меир Шалев М.: Иностранка, 2007

Меир Шалев сегодня, пожалуй, самый главный классик израильской литературы, ее живой Толстой вместе с Борхесом. Что не мешает ему быть почти нечитанным в России. Поэтому роман «Как несколько дней» в некотором роде даже обязательен к употреблению. А кроме того, Шалев прекрасен как источник еврейских мудростей, вроде «а мечн трайт у а тот лахт» (человек строит планы, а бог над ним смеется).

Монологи вагины Ив Энцлер М.: Livebook, 2007

В прозе американки Ив Энцлер совсем нет скандала: она всего лишь опросила и записала на диктофон американских женщин о том, как плохо и трудно им живется с мужчинами, и превратила этот текст в феминистский манифест. Получился текст яростный и в чем-то даже дикий, но, несомненно, самый заметный и значительный в женском движении последних десяти лет.

Записки гайдзина Вадим Смоленский СПб.: Амфора, 2007

Вадим Смоленский, не один год проживший в Японии, не рассказывает обычных туристических баек про самураев и сакуру, а, противореча Киплингу, описывает Запад и Восток, которые все-таки сошлись, и результат этого столк-

новения культур. Истории получились все как одна удивительные: например, про настоящего буддийского храма, играющего джаз на саксофоне, или хозяйку бара, предлагающую под видом коктейля «Бурлаки на Фудзи» русский квас.

Практическая магия Эллис Хоффман М.: Флюид, 2007

Пример того, что женские романы бывают качественными — неплохая проза о трех поколениях американок в поисках счастья. Магия здесь практически никакой нет, зато есть советки. Смешные, типа: чтобы избавиться от плохого настроения, всегда носи голубое. И еще более смешные: любви, когда придет любовь.

Искусство стильной бедности Александр фон Шёнбург М.: Текст, 2007

Немецкий аристократ в каком-то заоблачном поколении написал книгу о том, что настоящему аристократу не нужны ни деньги, ни фитнес-клубы, ни заграничные поездки. Причина — очень по-немецки — в том, что счастье не купишь за деньги, а это этого не понимает, тот либо супермодель, либо русский олигарх.

Моав — умывальная чаша моя Стивен Фрай М.: Фантом-пресс, 2007

Стивен Фрай очень знаменит, очень талантлив, очень аристократичен, а к тому же еврей и гомосексуалист. «Моав» — это его автобиография, скорее, опыт автобиографии, рассказ о детстве и отрочестве в закрытой английской школе.